

Научная статья  
УДК 343.1  
<https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-163-167>

## Законодательная конструкция дефиниции «электронные доказательства» в уголовном процессе Российской Федерации: предпосылки возникновения и предлагаемый вариант регламентации

**Рябова Оксана Васильевна**

Нижегородская академия МВД России, Нижний Новгород, Россия, [ataeva.2013@inbox.ru](mailto:ataeva.2013@inbox.ru)

**Аннотация.** В настоящей статье изучается феномен «электронные доказательства», занимаемое им место в доктрине уголовно-процессуального права и влияние, оказываемое им на уголовно-процессуальную деятельность. Отмечаются предпосылки теоретического, прикладного и социального характера, способствующие становлению и развитию электронных доказательств в рамках реализации уголовного процесса. Автор предлагает собственный вариант законодательного закрепления дефиниции «электронные доказательства» в отечественном уголовно-процессуальном законодательстве. При этом осуществляется детальный анализ каждого структурного элемента, из которых составляется содержание осуждаемого процессуального института. Принимая во внимание результаты проведенного исследования, в целях усовершенствования действующего УПК РФ озвучиваются перспективы на положительный результат, достижение которого напрямую будет зависеть от возможной нормативно-правовой регламентации института «электронные доказательства» в уголовно-процессуальный закон и его полноценного функционирования на различных этапах отечественного уголовного судопроизводства.

**Ключевые слова:** уголовный процесс, электронное доказательство, дефиниция, законодательная конструкция, предпосылки возникновения, нормативно-правовая регламентация, уголовно-процессуальное законодательство

**Для цитирования:** Рябова О. В. Законодательная конструкция дефиниции «электронные доказательства» в уголовном процессе Российской Федерации: предпосылки возникновения и предлагаемый вариант регламентации // Юридическая наука и практика: Вестник Нижегородской академии МВД России. 2023. № 2 (62). С. 163—167. <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-163-167>.

Original article

## Legislative structure of the definition of “electronic evidence” in the criminal process of the Russian Federation: prerequisites for the emergence and proposed version of regulation

**Oksana V. Ryabova**

Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia, Nizhny Novgorod, Russian Federation, [ataeva.2013@inbox.ru](mailto:ataeva.2013@inbox.ru)

**Abstract.** This article examines the phenomenon of “electronic evidence”, place in the doctrine of criminal procedure law and influence exerted by it on criminal procedure activity. The prerequisites of a theoretical, applied and social nature are noted that contribute to the formation and development of electronic evidence in the framework of the implementation of the criminal process. The author proposes his own version of the legislative consolidation of the definition of “electronic evidence” in the domestic criminal procedure legislation. At the same time, a detailed analysis of each structural element is carried out, from which the content of the condemned procedural institution is composed. Taking into account the results of the study, in order to improve the current Code of Criminal Procedure of the Russian Federation, prospects for a positive result are voiced, the achievement of which will directly depend on the possible legal regulation of the institution of “electronic evidence” in the criminal procedure law and its full functioning at various stages of the domestic criminal legal proceedings.

**Keywords:** criminal process, electronic evidence, definition, legislative structure, prerequisites for the emergence, legal regulation, criminal procedural legislation

© Рябова О. В., 2023

**For citation:** Ryabova O. V. Legislative structure of the definition of “electronic evidence” in the criminal process of the Russian Federation: prerequisites for the emergence and proposed version of regulation. *Legal Science and Practice: Journal of Nizhny Novgorod Academy of the Ministry of Internal Affairs of Russia*, 2023, no. 2 (62), pp. 163—167. (In Russ.). <https://doi.org/10.36511/2078-5356-2023-2-163-167>.

В настоящее время на процесс возникновения, становления и развития уголовно-процессуальных отношений в различной степени оказывают влияние определенные обстоятельства, которые обеспечивают подготовку почвы для внедрения и последующего использования всевозможных институтов уголовно-процессуального права, призванных выполнять задачи и достигать цели, стоящие перед уголовным судопроизводством. Учитывая условия, способствовавшие образованию и функционированию новоявленного феномена «электронных доказательств», имеет смысл проанализировать вполне реальную возможность нормативно-правовой регламентации института «электронных доказательств» в действующем уголовно-процессуальном законодательстве. При этом следует заблаговременно отметить, что рассматриваться будет только правовая природа и содержание электронных доказательств без учета процессуальной составляющей анализируемого института.

Прочно укрепив свои позиции как на стадии доказывания, реализуемой в ходе предварительного расследования по уголовному делу, так и при исследовании доказательств на стадии судебного следствия, его существование и «негласная деятельность» электронных доказательств обусловили наличие широкого круга вопросов, затрагивающих проблемные аспекты относительно его функционирования в уголовном судопроизводстве. Среди них и формирование понятийного аппарата института, и определение процедуры их исследования на различных этапах уголовного процесса, и их оформления в процессуальных актах, выносимых субъектами доказывания и иными процессуальными лицами, и т. п. И только видоизменение настоящего Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации (далее — УПК РФ) положит конец существующим противоречиям и повысит шанс на улучшение реализации уголовного процесса как в целом, так и совершенствование процедуры доказывания в частности.

Отсутствие правовых норм не должно становиться препятствием для последующего развития и усовершенствования формата взаимодействия между участниками уголовно-процессуальной деятельности. Архаичность, присущая в некоей степени действующим

процессуальным положениям, не должна порождать коллизии и создавать противоречивые ситуации только лишь ввиду того, что последние не соответствуют современным реалиям. Строго структурированная система доказательственного права, обозначенная четкими границами, не может быть лишена возможности ее преобразования. Формы таких преобразований весьма разнообразны: видоизменение существующих правовых положений, их декриминализация или же создание принципиально новой процессуальной нормы. Ее приоритет заключается и в улучшении процедуры доказывания, и в повышении качества уголовно-процессуальной деятельности.

Поэтому в качестве наиболее оптимального варианта преобразования, следует выбрать включение правовой нормы в отечественное уголовно-процессуальное законодательство, которая бы официально определяла содержание института «электронных доказательств», регулируя при этом процессуальный порядок работы с ними.

В то же время принимая во внимание тот факт, что электронные доказательства никоим образом не упоминаются в УПК РФ, имеет смысл заблаговременно обозначить, в каком ключе предлагаемый вид доказательств будет «легализован» в уголовно-процессуальном законе. Как полноценный и самостоятельный вид, независимый от законодательно закрепленной системы доказательств? Или же, как неотъемлемая часть ее структуры?

Учитывая ряд факторов, среди которых уникальность природы их образования и существования, специфика их использования и особенности их процессуального оформления, идея сознательного разграничения электронных доказательств от иных видов, закрепленных на законодательном уровне, представляется весьма приемлемой для конкретного случая.

Актуальность и перспективность официального способа консолидации электронных доказательств уже провозглашена в трудах ученых-процессуалистов, отмечающих рациональность принятия такого решения, аргументируя его соответствие вехам современного этапа развития социума и последовательностью усовершенствования отношений, функционирующих в процессе осуществления уголовно-процессуальной

деятельности [1—3]. Тем самым доктрина уголовно-процессуального права уже сформировала определенную систему знаний и положений, к которой в полной мере можно будет прибегнуть в случае разработки и последующего внедрения института «электронных доказательств» в УПК РФ. По этой причине будет уместным получить ответ на вопрос, имеются ли законодательные предпосылки к нормативно-правовой регламентации исследуемого явления?

Используемая в течение длительного периода времени сформировавшаяся система национального доказательственного права косвенно обращает внимание на «потребность» в анализируемом виде доказательств, стараясь, при этом не акцентировать внимание на ограниченном характере институтов, используемых в процессуальных нормах. Противники включения дефиниции «электронных доказательств» в УПК РФ аргументируют свою позицию тем, что такая категория доказательств может пониматься как производная форма от письменных доказательств либо она может быть подменена всеми известными вещественными доказательствами [4; 5].

Однако краткое упоминание в законе об электронном носителе информации, вернее о возможности и необходимости его применения при производстве следственных действий в рамках расследования уголовного дела, возбужденного по соответствующей статье Уголовного кодекса Российской Федерации (далее — УК РФ), не уточняя при этом его терминологическую составляющую, не будет оказывать благоприятное воздействие на имеющуюся ситуацию. Какой смысл упоминать об электронном носителе информации в контексте расследования определенной категории преступления? Возможно ли, что только конкретный состав преступления отвечает требованиям, согласно которым изъятие информации, представляющей значимость для раскрытия преступления и изобличения лица, виновного в совершении преступления, может осуществляться на указанный материальный носитель информации? Разве иные категории общественно опасных деяний, в зависимости от объективной стороны преступления, в той или иной степени не могут также применять электронный носитель информации при производстве следственных действий в ходе расследования уголовного дела? Предполагается, что ни с какой-либо стороны не будут поступать возражения по поводу того, что в перечне противоправных деяний, указанных в положениях части 4.1 статьи 164 УПК РФ, как минимум, не

лишним было бы указать преступления в сфере компьютерной информации, уголовная ответственность за которые регламентируется главой 28 УК РФ.

Поэтому имеет смысл предположить, что было бы куда уместней вообще не упоминать термин «электронный носитель информации», применяемый при производстве следственных действий, дабы не вносить смуту в трактовку уголовно-процессуальных норм, закрепленных действующим законом, которые регулируют процедуру расследования по уголовному делу. Вместе с тем, если законодатель принял решение об официальном закреплении понятия «электронный носитель информации», было бы логично продолжить следовать намеченному плану, и по такому же принципу регламентировать дефиницию электронных доказательств в отечественном УПК РФ, однако с некоторыми изменениями.

Так, после его формального закрепления имеет смысл в обязательном порядке расширить перечень составов преступлений, при расследовании которых с учетом индивидуальных особенностей совершенного противоправного деяния есть необходимость в использовании не только электронных носителей информации, но и иных электронных технологий. Аналогичного порядка надлежит придерживаться и в случае обнаружения и исследования электронно-цифровых следов преступлений, которые в последующем станут полноценными доказательствами по уголовному делу. В связи с чем считаю необоснованным ссылаться на объект материального мира, используемый для исследования определенного рода информации, для анализа и последующей трактовки полученных сведений в целевой категории преступлений без отсутствия законодательно-закрепленной дефиниции.

Сложившаяся ситуация действительно удручает, поскольку в противовес вышесказанному по своему содержанию все те следы преступления, которые были получены из цифрового пространства, могут быть зафиксированы в электронном формате, и которые не называет наш уголовно-процессуальный закон, фактически представляют собой электронные доказательства [6]. Не будет иметь значение категория совершенного преступления, использовался ли при производстве следственных и иных процессуальных действий в процессе расследования электронный носитель информации или же иной материальный носитель. Представлять значимость будут лишь сведения, отвечающие

вышеназванным требованиям и имеющие доказательственное значение по уголовному делу.

Возможный вариант звучания уголовно-процессуальной нормы, закрепляющей электронные доказательства, предлагаемый для законодательного регулирования и создаваемый в целях усовершенствования уголовно-процессуальных положений, может быть определен с использованием индукционного метода, посредством использования которого называются его основные составные элементы.

Представляется, что потенциальная дефиниция электронных доказательств должна звучать следующим образом: электронные доказательства — это полученные из цифрового пространства и представленные в электронной форме сведения, хранящиеся на электронном носителе, которые имеют значение для рассмотрения и разрешения уголовного дела по существу.

Диспозиция предлагаемого термина определяет правовую природу электронных доказательств как сведения, представленные в электронной форме. Подразумевается, что обнаруженная информация должна быть представлена только в цифровом формате. В свою очередь, категория «сведения» дает отсылку к уже сформированной системе отечественного доказательственного права, в которой в основу ряда доказательств заложено указанное понятие [7].

Этот признак автоматически влечет за собой другой, суть которого заключается в специфике сферы, в рамках которой появляются, пребывают и функционируют данные такого рода, иными словами, виртуальная среда пребывания. Именно этот критерий отвечает за уникальность, которая присуща анализируемому институту уголовно-процессуального права.

Кроме того, немаловажная роль отводится факту хранения определенных сведений на соответствующем материальном носителе, способном считывать, обрабатывать и обеспечивать сохранность полученной информации. Озвученное условие также подтверждает исключительность феномена электронных доказательств, поскольку за пределами объекта материального мира, используемого для хранения электронного доказательства, физически оно существовать не может, в связи с чем процессуальный порядок проведения процедуры изъятия, исследования, последующего хранения и использования должна быть проработана с особым вниманием с учетом озвученных особенностей.

И последней, но не менее важной частью является определение главного критерия искомой информации, который должен отвечать и соответствовать имеющимся обстоятельствам совершенного противоправного деяния. Иначе говоря, содержание полученных данных должно иметь первостепенное значение для всей уголовно-процессуальной деятельности, то есть, как на этапе расследования уголовного дела, так и при последующем его рассмотрении в суде, и его разрешении по существу. Только при наличии указанных условий, дефиниция «электронных доказательств» может быть нормативно регламентирована в национальное уголовно-процессуальное законодательство.

Нормативно-правовая регламентация института «электронных доказательств» в отечественном уголовно-процессуальном праве представляет собой наиболее оптимальный вариант совершенствования существующей процедуры доказывания. Предполагаемая модернизация должна затронуть как теоретическую, так и практическую сторону вопроса. При этом законодательная трактовка должна быть предельно конкретной и максимально ясной для субъекта уголовного судопроизводства. Рамки предполагаемого процессуального положения должны иметь четкие границы, дабы оно в процессе использования в практической деятельности должностными лицами четко определяло сферу своего влияния, не порождая при этом в процессе своего применения существенные противоречия. В тоже время «будущая» правовая норма должна органично смотреться в системе действующих положений уголовно-процессуального законодательства, которые регулируют смежные по своему содержанию отношения. Чем быстрее будет усвоено среди правоприменителей новоиспеченное положение УПК РФ, тем быстрее и с большей вероятностью наступление благоприятного исхода его адаптации к существующим реалиям.

Реформирование отечественного уголовно-процессуального законодательства путем внедрения законодательной конструкции в действующий УПК РФ на данный момент представляет собой наиболее рациональный и оптимальный вариант усовершенствования всего уголовного судопроизводства. Предлагаемые изменения затронут и доктрину уголовного процесса, и правоприменительную сферу деятельности. И в настоящее время именно от исследователей зависит, насколько эффективно получится воплотить в реальность предлагаемый вариант развития уголовно-процессуального права, сохранив при

этом имеющееся наследие, и, создав при этом рабочую модель функционирования института «электронных доказательств», дополняющую и разъясняющую определенные моменты в их эксплуатации, а также отвечающую условиям актуальности и целесообразности.

#### СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Обидин В. К. Электронное доказательство: необходимый этап развития уголовного судопроизводства // Актуальные проблемы российского права. 2020. № 11. С. 198—206.
2. Пастухов П. С. «Электронные доказательства» в нормативной системе уголовно-процессуальных доказательств // Пермский юридический альманах. 2019. № 2. С. 695—707.
3. Вехов В. Б. Электронные доказательства: проблемы теории и практики // Правопорядок: история, теория, практика. 2016. № 4 (11). С. 46—50.
4. Воронин М. И. Электронные доказательства в УПК: быть или не быть? // Lex Russica. 2019. № 7. С. 74—84.
5. Нечаев В. Д. Проблемы использования электронных доказательств в уголовном процессе // Молодой ученый. 2021. № 18 (360). С. 449—450.
6. Зуев С. В. Электронные доказательства в уголовном судопроизводстве: понятие и значение // Правопорядок: история, теория, практика. 2020. № 3 (26). С. 46—51.
7. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 года № 174-ФЗ (в ред. от

25 марта 2022 г.) (с изм. и доп., вступ. в силу с 19 мая 2022 г.) // Собрание законодательства РФ. 2001. № 52. Ч. I, ст. 4921.

#### References

1. Obidin K. V. Electronic Evidence: A Necessary Stage in Criminal Justice Development. *Actual Problems of Russian Law*, 2020, no. 15 (11), pp. 198—206. (In Russ.)
2. Pastukhov P. S. “Electronic evidence” in the normative system of criminal procedural evidence. *Perm legal almanac. Annual scientific journal*, 2019, no. 1, pp. 695—707. (In Russ.)
3. Vekhov V. B. Electronic evidence: problems of theory and practice. *The rule of Law: history, theory, practice*, 2016, no. 4, pp. 46—50. (In Russ.)
4. Voronin M. I. Electronic Evidence in the Criminal Procedure Code: To Be or not to Be? *Lex Russica*, 2019, no. 7, pp. 74—84. (In Russ.)
5. Nechaev V. D. Problems of using electronic evidence in criminal process. *Young scientist*, 2021, no. 18 (360), pp. 449—450. (In Russ.)
6. Zuev S. V. Electronic evidence in criminal proceedings: concept and meaning. *Law and order: history, theory, practice*, 2020, no. 3 (26), pp. 46—51. (In Russ.)
7. Code of Criminal Procedure of the Russian Federation no. 174-FZ of December 18, 2001 (as amended of October 30, 2018) (with amendments and additions, intro. effective of May 19, 2022). *Collection of legislative acts of the RF*, 2001, no. 52, part I, art. 4921. (In Russ.)

Статья поступила в редакцию 01.04.2023; одобрена после рецензирования 15.05.2023; принята к публикации 05.06.2023.

The article was submitted 01.04.2023; approved after reviewing 15.05.2023; accepted for publication 05.06.2023.